

Отже, проведений аналіз термінології військово-інженерної галузі дозволив зробити такі висновки. Термін це слово або сполучення слів, що визначає чітко й однозначно окреслене поняття і його співвідношення з іншими поняттями в межах спеціальної сфери. Досліджені нами терміни представлені трьома структурно-граматичними типами: терміни-однослови, аналітичні терміни і терміни-символи. Кожен з цих термінів має свою специфіку. Якщо перші дві групи термінів виражені вербальними знаками, то третю становить особливий тип невербальних знаків, що виступають символами якогось військово-інженерного поняття. Щодо частиномовної належності аналізованих одиниць, то це питання є досить складним, оскільки традиційно до нього ми можемо підійти, досліджуючи лише першу групу термінів, що представлені окремими словами. Тут, як правило домінують терміни-іменники, які номінують те чи інше поняття. На відміну від них аналітичні терміни складаються з кількох слів, поєднаних синтаксичними зв'язками і семантичними відношеннями.

Список використаних джерел

1. Великий тлумачний словник української мови / [автор проекту та головний редактор-упорядник В.Т.Бусел].- К.; Ірпінь : ВТФ "Перун", 2009.- 1736 с.
2. Яценко Н. О. Формування назв військового одягу в українській мові: Монографія. – К.: Інститут української мови: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2009. – 179 с.
3. Реформатский А.А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. – М., 1986. – С. 164-165.
4. Крижанівська А. Г. Актуальні проблеми упорядкування наукової термінології / А. Г. Крижанівська, Л. О. Симоненко. – К.: Наук. думка, 1987. – 162 с.
5. Панько Т. Українське термінознавство / Т.І. Панько, І.М. Кочан, Т.П. Мацюк. – Львів, 1994. – 216 с.
6. Даниленко В. П. Русская терминология: опыт лингвистического описания / В.П. Даниленко. – М. : Наука, 1977. – 247 с.

Summary. The article is devoted to studying of military-engineering sphere lexics. In this research work the structure-grammatical features of terms, which actively function in a specific terminological system are analyzed.

Key words: term, terminology, terminological system, military lexics.

УДК 811.161

В.Г. Дидковская

СЛОВАРЬ КАК ИСТОЧНИК КУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматриваются прецедентные имена, отражающие разные знания, связанные с культурой в широком смысле. Их присутствие в ассоциативно-вербальной сети, представленной в Русском ассоциативном словаре, позволяет выявить сферу культурной компетенции современной языковой личности.

Ключевые слова: прецедентное имя, персонификация, ассоциативное поле, лексикон, языковая личность, культурный стереотип.

Унікальність російського асоціативного словаря (РАС), неоднократно отмеченная в специальных работах по истории отечественной лексикографии (см., например, 3), помимо прочих достоинств, состоит в том, что русский национальный язык, преимущественно в его литературной разновидности, представлен в нем как социально-коммуникативная система, поэтому РАС “позволяет по-новому взглянуть на процессы владения и овладения языком .., речевого воздействия, мотивации и поведения, на характер ценностных ориентаций в мире” [5, 7].

Материалы словарных статей этого словаря фиксируют активный словарный фонд русского языка последних десятилетий и доминантные для этого периода понятия и связи между ними, а также устойчивые связи между отдельными словами и группами слов [5, Предисловие], поэтому можно считать его отражением интериндивидуального лексикона “усредненной” языковой личности. Термин “языковая личность”, введенный Ю.Н. Карауловым, определяется в его работах как “многослойный и многокомпонентный набор языковых способностей, умений, готовности к осуществлению речевых поступков разной степени сложности” [2, 29], это личность, сознающая

себя и выражающая себя в языке. Структура языковой личности включает три уровня: 1) вербально-семантический, или лексикон личности, предполагающий для носителя нормальное владение естественным языком; 2) лингво-когнитивный, представленный тезаурусом личности, единицами которого являются понятия, идеи, концепты, складывающиеся у каждого носителя языка в определенную “картину мира”. Когнитивный уровень предполагает переход от значения к знаниям и, значит, охватывает интеллектуальную сферу личности, позволяя исследователю через язык и посредством языка изучать “содержание сознания” человека, сам процесс познания; 3) прагматический (мотивационный), включающий цели, мотивы, интересы, установки и интенциональности; он обеспечивает в анализе языковой личности переход от оценок ее речевой деятельности к осмыслению реальной деятельности в мире [2, 238]. Рассматривая слово как одну из минимальных составляющих лексикона, в его связях и отношениях с другими такими же составляющими, мы получаем сведения не только о языковых знаниях языковой личности, но и о ее интеллектуальных интересах и предпочтениях, и о ценностной ориентации в реальном мире.

В РАС каждая словарная статья представляет собой ассоциативное поле слова-стимула, которое не просто воспроизводит фрагмент вербальной памяти, т.е. индивидуального лексикона человека, но и отражает фрагмент образов сознания, мотивов и оценок русских [5, 6]. В качестве стимулов в словаре использованы как слова-апеллятивы, так и слова-онимы, в том числе и антропонимы. Антропонимическая лексика русского языка открывает большие возможности для изучения “языка в человеке”: личные имена отличаются яркой “социальностью”, так как существуют только в обществе и потому “социальны все и всегда” [4, 8], и это делает их надежным инструментом социально-психологического исследования, направленного на выявление “ментального климата”, в котором существуют современные носители языка, на выявление их отношения к себе, окружающим и вещному миру. В то же время существенным признаком антропонимов является их связь с национальной культурой, они сами по себе являются компонентами национальной культуры, образуя национальный именовослов. Эти свойства личных имен обеспечивает их “превращение” в культурные знаки – прецедентные имена [1].

Прецедентность понимается нами как общеизвестность, т.е. известность каждому носителю данного языка, и включенность в фонд общеобязательных для национальной культуры знаний. Таким образом, прецедентные имена являются носителями национально-значимой культурной информации и в этой форме своего бытия отражают культурную ориентацию всего языкового сообщества. В то же время как единица лексикона отдельного носителя языка они связаны с индивидуальными представлениями о “культурном предмете” и отражают личностно ориентированные знания. Кроме того, прецедентное имя очень часто оказывается включенным в систему жизненных ориентиров человека и становится носителем новых смыслов в его индивидуальном дискурсе.

Прецедентное имя является своего рода “узлом на память” в системе культурных знаний, закрепленных в языковой памяти носителей языка. Как и любое слово, оно не существует изолированно (в сознании, в памяти, в речи), а напротив, связано множеством связей, семантических, грамматических, ассоциативных, с другими словами языка, которые в совокупности образуют ассоциативно-вербальную сеть – модель индивидуального лексикона языковой личности. Каждый “узелок” в этой сети, в том числе и прецедентные имена, образует собственное ассоциативное поле, которое позволяет получить представление о том, что знает, помнит и как готов оперировать этими знаниями человек говорящий и понимающий.

В РАС личные имена использованы, во-первых, в качестве стимулов, что само по себе уже свидетельствует о важности этой лексики для носителей языка. Вместе с тем, количество антропонимов в общем списке слов-стимулов невелико, причем в него входят как прецедентные, так и индивидуальные, “развоплощенные” имена: с одной стороны, *Бах, Брежнев, Гагарин, Гете, Гоголь, Гончаров, Горбачев, Достоевский, Ельцин, Каспаров, Ленин, Ломоносов, Маркс, Толстой, Хрущев, Чайковский, Чехов, Шиллер, Эйнштейн*, – и, с другой, – *Александр, Андрей, Лев, Максим, Петр, Юрий* и др. Интересно отметить, что для русских конца XX века культурные знания актуализируются не только в связи с именами деятелей культуры, ученых, государственных деятелей, но культурный компонент прослеживается и в ассоциативных связях собственно личных имен, переводя их в ранг прецедентных, причем культурные ассоциации занимают первые позиции в ассоциативном поле и имеют высокую частоту: АЛЕКСАНДР: *Невский, Македонский, Пушкин, Сергеевич, Первый, Сергеевич Пушкин, Солженицын, Александр I, А.С. Пушкин, Калинин, Розенбаум*; АНДРЕЙ: *Миронов, Болконский, Первозванный, Рублев, Белый, Боголюбский, Вознесенский, Меньшов, Тарковский*; МАКСИМ: *Горький, Максимыч, Перепилица, Рыльский*; ЮРИЙ: *Гагарин, Никулин, Долгорукий, Антонов, Алексеевич, Алексеевич Гагарин, Визбор* и др.

Ассоциативные поля прецедентных имен, как правило, воспроизводят ту суммарную информацию, которая связана с ними в языковой памяти “усредненной” языковой личности:

ЛОМОНОСОВ: *ученый, гений, Михайло, университет, великий, наука, умный, химик, Холмогоры, Михаил, парик, портрет, физика, академик, Архангельск, великий ученый, в парике, город, знание, история, круглый, Ломоносовская, лыс, МГУ, Михаил Васильевич, мозаика, ода, профессор, Пушкин, светило, умник, умница, философ, фильм “Мих. Ломоносов”*. Состав приведенного ассоциативного поля отражает разные уровни владения культурной информацией – от представления о деятельности Ломоносова-ученого, поэта, художника и знакомства с его портретными изображениями до отражения ломоносовской темы в современной жизни. Более оценочными, и в этом отношении более субъективными, являются линии ассоциирования имени ГЕТЕ: в его ассоциативном поле присутствуют не только лексемы *писатель, поэт, Фауст, немец, гений, Вагнер, классик, Мефистофель, мыслитель, Ницше*, свидетельствующие о достаточной культурной эрудиции современной учащейся молодежи, но и оценочные определения *скука, темный, чудик, не знаю, не читал*. Интересные реакции появляются при стимулах, допускающих двойственное понимание слова-стимула: антропоним или омофонный апеллатив. В этих случаях в ассоциативном поле соответствующего слова отражается “борьба” двух блоков информации – культурной и бытовой, как это наблюдается, например, для стимула БАХ: слова-носители музыкальной информация (*композитор, музыка, Иоганн, Моцарт, орган, музыкант, писал для органа, симфония, fuga* и т.п.) переплетаются с лексикой, обозначающей процессы звучания или физические действия, в том числе связанные с порождением шума (*упал, взрыв, выстрел, трах, бум!!!, звук, по лбу, удар, упал рояль, хлоп*).

Однако общее количество антропонимов, в первую очередь прецедентных имен, представленных в РАС, гораздо значительнее, чем в списке исходных стимулов, так как они появляются в качестве ассоциатов для многих стимулов-апеллативов и тем самым включаются в ассоциативно-вербальную сеть, представляющую, по определению авторов словаря, модель речевых знаний носителей русского языка. Уже сам факт вхождения антропонимов в состав таких полей вместе с другими словами означает их участие в представлении различных знаний, в том числе языковых, связанных, с грамматическим устройством языка. Так, появление имени собственного может подсказываться уже “грамматическим образцом”, хранящимся в языковой памяти носителя языка, если в качестве стимула выступает служебное слово, например, предлог – ОТ: *Матфея*.

Самую обширную группу антропонимов, отмеченных в ассоциативных полях нарицательных слов-стимулов, использованных в РАС, составляют имена, образующие “персоносферу” русской культуры (6): сферу персоналий, сферу литературных, исторических, фольклорных, религиозных персонажей. Если рассматривать персоносферу как поле, а прецедентные имена как средства экспликации различных фрагментов этого поля, то даже простой количественный подсчет доказывает “литературоцентричность” культурных знаний “усредненной” языковой личности. В качестве реакций в ассоциативных полях разных стимулов представлены имена авторов литературных произведений: ЛИТЕРАТУРА: *Пушкин*, ВЫСТРЕЛ: *Пушкин*, МЕТЕЛЬ: *Пушкин*; СТАРИК: *Хемингуэй*, ЧИТАТЬ: *Хемингуэй*, БЫТЬ: *Шекспир*, ВЕЛИКИЙ: *Шекспир*, СПЕКТАКЛЬ: *Шекспир*, Я: *Маяковский* и др., названия литературных произведений: ВОСКРЕСЕНЬЕ: *Анна Каренина*, МЕСЯЦ: *сказка о мертвой царевне*, ПЕСНЯ: *песня про купца Калашникова*, СЛОВО: *слово о полку Игореве* и др., имена персонажей: ВРАНЬЕ: *Хлестаков*, ЛОЖЬ: *Луки*, МУЧЕНИЕ: *Гамлета*, ТОВАРИЩАМ: *Васек Трубачев* и др. Следует отметить пары “стимул – реакция”, связанные с прецедентными текстами русской и зарубежной литературы, особенно те из них, которые предполагают “литературную пресуппозицию”, т.е. наличие промежуточных, невыраженных реакций, связанных с содержанием текста произведения: МАСЛО: *Аннушка* (Мастер и Маргарита), КАПЛЯ: *индеец Джо* (Приключения Тома Сойера), ЛЕТАТЬ: *Катерина* (Гроза).

Именослов, связанный с персоносферой русской культуры, позволяет судить не только о культурных, но и о социальных предпочтениях, характеризующих менталитет носителей современного русского языка. Источником таких сведений может служить, например, оппозиция “свое – чужое”, организующая прецедентные имена в системе вербализованных знаний. В РАС она проявляется как соотношение русских и нерусских личных имен в ассоциативном поле стимулов, называющих явления культурной сферы. Наблюдения показывают, что для тех, кто “в ближайшие 30 лет будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества” (5, 5), национальные предпочтения не влияют, например, на их читательские интересы: ЧИТАТЬ: *Гоголя, Дюма, Кортасар, Мопассана, Стругацкие, Хемингуэя, Шекспира*. Однако в области культурных эталонов они все же тяготеют к представителям русской литературы: ПИСАТЕЛЬ: *Пушкин, Айтматов, Бальзак, Гоголь, Ильф и Петров, Л. Толстой, Лермонтов, Носов, Толстой, Шолохов*; ПОЭТ: *Пушкин, Лермонтов, Есенин, А.С. Пушкин, Асадов, Ахматова, Бернс, Бродский, Брюсов, Вознесенский, Высоцкий, Державин, Евтушенко, Пастернак, Северянин*; ПОЭМА: *Пушкин, Пушкина, Лермонтова, “Мцыри”, Гоголя, “Двенадцать”, “Евгений Онегин”, “Золотой петушок”, “Кому на Руси жить хорошо”,*

Маяковский, Маяковского, Онегин, Руслан и Людмила. В то же время ассоциативные поля таких стимулов, как *картина, художник, музыка, музыкант* отражает отсутствие “национального компонента” в персонификации изобразительного искусства и музыки – **КАРТИНА**: *Репина, Репин, Рембрандта, Рембрандт, Айвазовского, Левитана, Пикассо, Айвазовский, Босх, Ван Гога, Васнецова, Дали, Девятый вал, Серова, Сурикова, Аленушка, Васнецов, Глазунов, Левитан, Леонардо да Винчи, Мадонна, Перова, Ренуара, Репина “Приплыли”, Саврасова*; **МУЗЫКАНТ**: *Вивальди, Леверкюн, Маликов, Чайковский*.

Национальное видение мира, в том числе сфера социальных оценок, проявляет себя и в том, в какие субполя организуются антропонимы, репрезентирующие русскую персонифицированную сферу; примером таких объединений могут служить поля ораторов, царей, начальников, жен и др. [см. 6, 135], выделенные по личностно-ролевому принципу. Анализ антропонимических реакций показал, что поле царей слабо представлено в языковой памяти усредненной языковой личности: оно не отличается разнообразием и имеет ограниченный состав – 5 единиц, причем самой высокой ассоциативной частотой характеризуется имя *Петр, Петр I, Петр первый*. Оно широко представлено в реакциях синтагматического характера, свидетельствующих о готовности к его текстовому использованию: **ВЕЛИКИЙ**: *Петр, Петр I, Петр первый*, **ЛИЧНОСТЬ**: *Петра I*, **ФЛОТ**: *Петра, Петра I*, **ПАМЯТНИК**: *Петру*. Слова-стимулы в приведенных парах выражают, прямо или косвенно, оценку государственной деятельности Петра I или называют закрепленные в языковом сознании среднего носителя языка отличительные черты Петровской эпохи: **ФЛОТ**: *Петра*, но и **БОРОДА**: *Петр*. Другие прецедентные имена русской истории представлены единичными реакциями, ожидаемыми (**ТИШАЙШИЙ**: *Алексей Михайлович-царь*, **ГНЕВ**: *Ивана Грозного*) или неожиданными (**ТИШАЙШИЙ**: *профиль Ивана Грозного*, **КОРОЛЬ**: *Павел*).

Гораздо более актуализованным в языковом сознании молодых людей конца 90-х годов прошлого века оказывается “поле вождей”, включающее имена *Ленин, Сталин, Горбачев, Брежнев, Ельцин, Хрущев, Маркс, Энгельс* (приводятся в соответствии с частотой воспроизведения в качестве реакций). Структура этого поля отражает устойчивые наследственные стереотипы общественного сознания: его ядро образуют два “партийных” имени *Ленин* и *Сталин*, на ближайшей периферии находятся антропонимы *Горбачев* и *Брежнев*, включенные в достаточно протяженные ассоциативные “тексты” (**БРЕЖНЕВ**: *вождь, руководитель, генсек, лидер, президент, пьяный, анекдот, болезнь, бывший генсек, глупый, детство, жует слова, и партия, калека, Кремль, медали, много пил и много делал, оттепель, поцелуй, скончался, стагнация, старый, хороший добрый мужик, 5 звездочек*; **ГОРБАЧЕВ**: *президент, перестройка, экс-президент, Ельцин, лидер, давно не показывался, дрянной политик, жаль, идеалист, лимузин черный, неудача, обманщик, отшельник, первый президент, писатель, процесс пошел, Рейган, словоблудие, умный, феномен*); остальные имена составляют его дальнюю периферию. Одна из словарных статей РАС, объединяющая в качестве реакций большую часть приведенных имен, моделирует именно такую организацию “поля вождей” в лексиконе современной языковой личности, причем само заголовочное слово-стимул в данном случае вполне ожидаемо: **ТОВАРИЩ** – *Сталин, Ленин, Брежнев, Горбачев*. Следует, однако, отметить, что персонификация семантики самой лексемы *вождь* у молодых носителей русского языка очень своеобразна – **ВОЖДЬ**: *Ленин, Сталин, Ришелье*.

Среди этих имен, отражающих “следы советской эпохи в национальном самосознании” [5, 202], только одно лишено отрицательных и юмористических коннотаций, которые Ю. Н. Караулов считает неотъемлемой чертой представлений о советском, – прецедентное имя **ЛЕНИН**: *вождь, жив, великий, мавзолей, умер, в октябре, дедушка, революция, с нами, большевизм, в Горках, великий человек, всегда жив, жив, жил..., живой, и партия, коммунист, манифест, Маркс, на трибуне, наш, отец, учитель, памятник вождю, патриот, совесть нашей эпохи, учил, 17 год*. Вероятно, это объясняется тем, что его связи в ассоциативно-вербальной сети закрепляют ассоциации синтагматического характера, источниками которых служат газетно-публицистические тексты советской эпохи: **ВЕЛИКИЙ** – Ленин, **ЖИВОЙ** – Ленин, **ДОРОГОЙ** – Ленина, **ЗНАМЕНЕМ** – Ленина, **ИМЯ** – Ленина, **ПРОДОЛЖАТЬ** – дело ЛЕНИНА, **УЧИТЬСЯ** – у Ленина, *как завещал великий Ленин* и др. Показательно, что в памяти молодых русских присутствуют даже прецедентные тексты – лозунги: *Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!* Появление такого рода реакций связано с информацией, хранящейся в речевой памяти поколений, и свидетельствует об устойчивости стереотипов общественного сознания.

Антропонимические реакции, зафиксированные в РАС, содержат богатейший материал для изучения имен собственных, и не только прецедентных, который невозможно отразить в рамках одной статьи, он требует обстоятельного изучения и подробного описания. Соотнесенная с ними экстралингвистическая информация отражает разные знания, связанные с культурой в широком смысле и закрепленные в ассоциативно-вербальной сети; их анализ позволяет с достаточной объективностью судить о культурных предпочтениях современных носителей языка.

Список использованной литературы

1. Гудков Д.Б. Межкультурная коммуникация: проблемы обучения. Лекционный курс для студентов РКИ / Дмитрий Борисович Гудков. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 120 с.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Юрий Николаевич Караулов. – [4-е изд., стереотип.] – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
3. Козырев В. А. Русская лексикография: Пособие для вузов / Владимир Алексеевич Козырев, Валентина Даниловна Черняк. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
4. Никонов В. А. Имя и общество / Владимир Андреевич Никонов. – М. : Наука, 1974. – 278 с.
5. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Сост. Юрий Караулов, Галина Черкасова, Наталия Уфимцева, Юрий Сорокин, Евгений Тарасов. – М. : Астрель, АСТ, 2002. – Т. I. – 784 с.
6. Хазагеров Г. Г. Персоносфера русской культуры / Г. Г. Хазагеров // Новый мир. – 2002. – №1. – С. 133-145.

Summary. In the article the precedent names, which reflect different kinds of knowledge, related to the culture in broad understanding. Their presence in associative and verbal net, represented in Russian associative dictionary, allows revealing the sphere of cultural competence of modern language individuality.

Key words: precedent name, sphere of person, associative field, lexicon, language individuality, cultural stereotype.

УДК 811.111'342

Г.М. Діяконович

INTONATION THAT DISTINGUISHES LANGUAGES

Основним напрямком дослідження є інтонація, з допомогою якої можна на слух розпізнати мову. Усі вербальні мови застосовують висоту голосу для передачі емоційності та іншої прихованої інформації, що не має вираженого лінгвістичного характеру з метою на чомусь наголосити, протиставити, або виділити. Проте, не всі мови застосовують наголос, щоб вирізняти слова, або їхні модуляції, як це виконують голосні та приголосні. Існують мови такі, як китайська, наприклад, в якій зміна висоти голосу розрізняє слова. У дослідженні подано короткий огляд подібних мов, які називаються тональними.

Ключові слова: інтонація, тон, висота голосу, наголос, граматичне значення, лексичне значення слова, модуляція.

A language is concerned primarily with the spoken word. First and foremost it is a spoken thing not a written one. Its appeal is to the ear not to the eye. Even, presently, there are some languages, which have no written script. The information one conveys to a listener by a spoken word is expressed by means of words, grammar and intonation.

What is intonation? Why do we need it? Intonation helps to create the music of a language. There are high notes and low notes and notes in the middle. If we did not have intonation our voice would be very flat and it would be very strange. With intonation you can understand speaker's feelings, attitudes, you can understand if the speaker asks you a question or if he/she has done speaking and it is your turn to say something. In short, intonation is necessary in communication. It is a part of communication. You need understanding so that people can communicate to you and you need to be able to use proper intonation patterns so that you can communicate back to them.

The same about intonation: if you speak English with Ukrainian intonation, your listener will have a problem understanding what you are saying. English intonation is very different from Ukrainian intonation. Both languages use falling and rising intonation, but they are not the same in English and Ukrainian. It's very important not to bring your native intonation into English because intonation patterns from Ukrainian may convey a different meaning in English and cause misunderstanding and even produce an unfavorable impression of you. Besides, in languages like Ukrainian, Russian or Romanian intonation has less important function than in English. For instance, it is the element that marks the contrast between an interrogative sentence (a rising contour) and affirmative counterpart, e.g.: Вона розмовляє? Вона розмовляє.

Intonation has always been researched by linguists. The names of Cruttenden, Brazil, Jones, Wells are known to a number of students of the English language and still it is interesting to explore.